

В отечественных толстых литературных журналах существовал отдельный жанр очных и заочных дискуссий. Он неизменно привлекал к себе читательское внимание благодаря полемической заостренности высказываний, ясности и проговоренности позиций. Но на долгие годы жанр оказался в тени.

«Сибирские огни» считают необходимым вернуть практику журнальных дискуссий. Предмет сегодняшнего обсуждения — сталинизм — непосредственно связан, как раньше говорили, с «текущим политическим моментом». Не секрет, что недоброжелатели нашей страны пытаются навязать миру и нам самим образ России как окостеневшего общества, в котором царит унылое единомыслие. Снова звучат слова «тоталитаризм», «репрессии», «цензура». Мы отвечаем на этот вал пропаганды свободным и честным разговором. Позиции авторов — Веры Калмыковой и Андрея Рудалева — во многом противоположны, что нормально для развитого общества. Надеемся, что читатели журнала не просто ознакомятся с текстами, а станут участниками непростого, важного для всех диалога.

Вера КАЛМЫКОВА

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Нас — тьмы

Только приступив к чтению «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, невозможно не заметить, как часто повторяется на страницах этого труда определение «обширный». Все у нас огромно, всего у нас много. Первые русские владыки испытывали недостаток в людях, способных заселить и освоить новоприсоединенные земли. К XX веку этот вопрос перестал казаться первостепенным.

Русский человек мыслит масштабно, поскольку за спиной он ощущает громадное пространство. Сколько современных воронежцев сумеет побывать во Владивостоке? Но он все равно «свой», «наш». Не имея возможности охватить просторы родины физически, мы, едва выйдя из младенчества, уже обжили ее ментально.

И так же, как к земле, мы относимся к людям, оперируя массами. Любому супротивнику ответим по Александру Блоку: да, «миллионы — вас», но нас-то «тьмы, и тьмы, и тьмы».

Единица — ноль?

Что *тьмы* складываются из отдельных единиц, исторически нас заботило мало. Так сложилось: крепостное право, отмененное императором Александром II в России только в 1861 году, по сути всего два с небольшим поколения назад, оставило тяжелое, до сих пор не вполне избытое наследство. Действительно, можно ли уважать человека, который сам — движимое имущество?.. Да и на свободных от крепостничества землях русский мир с его общинной психологией не предполагал особого внимания к индивидуумам. Как неожиданно это преломилось у Владимира Маяковского, казалось бы, совсем по другому поводу:

Единица!
 Кому она нужна?!
Голос единицы
 тоньше писка. <...>
Единица — вздор,
 единица — ноль,
один —
 даже если
 очень важный —
не подымет
 простое
 пятивершковое бревно,
тем более
 дом пятиэтажный.

Эпоха Серебряного века, представленная творцами-новаторами, вырабатывавшими собственный язык в искусстве, возвеличила личность. Прежде всего путем ее творческого самовыражения, определения своего места в мире. Однако бег времени не дал новому пониманию человека утвердиться за пределами круга интеллектуалов. На это было дано максимум 15 лет. Вскоре началась Первая мировая война с применением оружия массового поражения, опровергшим идею ценности индивидуальной судьбы. Потом случилась большевистская революция, победившая именем большинства, и возникло новое государство.

О каждом

Любое государство защищает прежде всего себя. Так было, есть и будет. Всегда есть внешний враг, против которого надо сплотиться, и внутренний, подрывающий основы социальной стабильности. Плодами эллинской демократии мы наслаждаемся третье тысячелетие. Одна из ее заслуг в том, что философу Сократу милостиво позволили выпить яд в кругу близких. Поэтому смерть не разрушила ни его прижизненный образ, ни, выражаясь языком современной психологии, *социальную сеть* (не путать с инструментом электронной коммуникации).

Опыт двух мировых войн с массовой гибелью людей в СССР к 1980-м годам лишь усилил пренебрежение к тем, кто выделялся, «высовывался». Порочная социалистическая практика начала ломаться в 1990-х, когда в силу смены общественно-экономической формации гражданин России столкнулся с необходимостью отвечать за себя самостоятельно.

..Уже 2 марта 2022 года появились первые данные о погибших в Донбассе россиянах — 498 человек. Следующее число — 1351 — стало известно к концу

месяца. Общество, верившее в долгосрочность благополучия, поняло, насколько оно иллюзорно. Военный конфликт, в который никто не хотел верить, стал реальностью и для глубокого тыла. Прозвучала песня Шамана (Ярослава Дронова) «Встанем», в которой мертвые и живые представляли единым, нераздельным, связанным памятью народом.

Россия встала за *каждого* из своих погибших.

...К постсоветскому тридцатилетию 1992—2022 годов можно относиться как угодно, но несомненно одно: прожив эти годы, мы впервые в своей истории перестали мыслить *«тьмами»*. Теперь мы смотрим в глаза любому. Единица перестала быть нулем. Нет различий между живыми и мертвыми: мы один народ. Нет различий между историей и современностью: это единый поток времени, и мы живем в нем. И если мы хотим — а ведь хотим! — великого будущего, следует научиться смотреть в глаза отдельной личности. Называть ее по имени.

Новая мифология

...Наша история парадоксальна. Удивительнее всего, что идеологию власти большинства в СССР с конца января 1924 года (официально с 1925 года) проводил в жизнь индивидуалист редчайшей, высшей пробы, на собственном примере показавший, сколь несостоятельна позитивистская концепция незначительной роли личности в истории. Его звали Иосиф Виссарионович Джугашвили. Он обрел всемирную известность под псевдонимом Сталин. Накрепко укоренились в народной памяти такие понятия, как «сталинские пятилетки», «сталинская индустриализация» или «сталинские соколы». Словосочетание с этим прилагательным неизменно приобретало сакральный статус. Сегодня как анекдот звучит история о том, что в 1950 году некий студент-технар, позволивший себе на чертеже сокращение «сталинские пят-ки» (слово полностью не влезало), был изгнан из вуза с волчьим билетом...

Чем позже родились социально активные граждане, ныне прославляющие Сталина, тем лучше и чище выглядит его образ. На наших глазах оживает фигура компетентного во всех областях великого гуманиста, способного наладить жизнь в огромной стране великого управленца и великого полководца. Становится все больше людей, желающих вычеркнуть из нашей истории еще два именных явления — «сталинские репрессии» и «сталинский террор». Неосталинизм напоминает архаичную первобытную религию, когда миф значительно жизнеспособнее реальности. *Творимая легенда* начинает выглядеть настолько привлекательно, что воспринявшие ее не желают разрушать ретроидиллию 1920—1930-х, тщательно выстроенную по грибоедовской модели: «Где ж лучше? — Где нас нет». Лишь с одной поправкой: *когда нас не было*.

Таким образом, один и тот же уважаемый человек сегодня может предлагать переименовать Волгоград в Сталинград и провозглашать «С нами Бог!». Эklekтизм такого способа мышления завораживает, но он не историчен.

Сравнительная арифметика

Анализ феномена сталинизма начался в конце 1980-х. Главным предметом обсуждения были сталинские репрессии, узники и жертвы ГУЛАГа. Однако уже через несколько лет в новой России произошло нечто подобное ситуации

в Европе после холокоста. Да, признают европейцы, было-было, но как вы нам со своим холокостом надоели! Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном...

То Европа, а в России все развивается гораздо круче. Не успев толком сформироваться, постсоветское общество раскололось уже в начале 1990-х. Одна часть читала поэму «Реквием» Анны Ахматовой, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, «Непридуманное» Льва Разгона и ужасалась открывшимся безднам. В это время вторая часть рьяно доказывала: то не бездна, а равнина ровная, в худшем случае с незначительными нарушениями рельефа.

Тому есть причины. Во-первых, когда-то давно первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев озвучил неверные, произвольные данные, что при репрессиях пострадало 10 миллионов человек. Большая ложь породила большое недоверие: раз здесь наврали, может, и в других случаях то же самое?..

Проблема в том, что статистические данные по жертвам большого террора 1937—1938 годов и по пострадавшим за всю эпоху сталинизма в 1930—1950-е годы не собраны до сих пор. Наиболее распространенная цифра — 3,5—3,8 млн человек. Но разве этого мало?.. В человеческом сознании равно не умещается ни десять, ни три, ни даже один миллион. Максимум, что можно себе представить, это количество людей на большом стадионе, вроде «Лужников», — 81 000 человек. Их можно объять взором, хотя увидишь лишь как массу, как *тьму*. Названная чуть выше цифра — это суммарное население Екатеринбургa и Новосибирска...

Но давайте вернемся к доступным данным. По сведениям современных исследователей, только расстрелянных в сталинскую эпоху советских писателей — 464. Еще 252 человека сгинуло в ГУЛАГе. Чтобы понять масштаб, обратимся к данным британского философа Бернарда Рассела. Рассуждая об эпохе Возрождения, он писал, что деятелей Ренессанса — ученых, художников, литераторов, оплодотворивших культуру на несколько столетий вперед, было всего... человек *двести*.

Народ и его ценности

Другое основание, призванное *отменить* сталинский террор (кстати, о *культуре отмены!*), выглядит гораздо серьезнее: при Сталине страну подняли из руин после революции 1917 года. При Сталине победили фашизм. При Сталине восстановили народное хозяйство. При нем стали великим советским народом. Он наша часть, и те, кто отрицает его роль, покушаются на наше величие.

Народ велик, пока неприкосновенны его святыни. Однако Сталин посягнул на многие из них, включая Московский Кремль. С 1918 года он стал резиденцией нового большевистского правительства во главе с В. И. Лениным. По преданию, председатель Совета народных комиссаров, юрист с университетским образованием, первые три дня жизни на новом месте посвятил его изучению: вооружившись подготовленным С. П. Бартеневым двухтомником «Московский Кремль в старину и теперь» (1912), Ленин исходил всю территорию. Легенда легендой, но факты говорят, что при первом главе советского государства здесь уже в 1918 году было снесено два памятника — Александру II и Великому князю Сергею Александровичу. После смерти Ленина фактическим руководителем государства стал генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин, бывший выпускник Горийского православного духовного училища (1894),

исключенный в 1899 году за прогулы из православной Тифлисской духовной семинарии. За время его правления в Кремле были снесены Церковь святых Константина и Елены (1928), Вознесенский и Чудов монастыри, Малый Николаевский дворец (1929), Львиные ворота (1930), церковь Благовещения на Житном дворе (1932), древнейший московский храм — собор Спаса Преображения на Бору (1933).

При этом народное предание гласит, что после окончания Великой Отечественной войны Сталин якобы посещал Всехсвятскую церковь на Соколе в Москве. Проверить эти сведения невозможно. Разве что можно прикинуть: во-первых, здесь почитаются грузинские святые; во-вторых, отсюда до Кремля от силы минут 15 прямого пути на автомобиле...

Обращение к мифологии оправданно, когда мы говорим о долитературном обществе, а у нас есть что почитать. Обратимся хотя бы к советскому образованию. Сейчас оно так себе, а при Сталине, говорят, стало лучшим в мире. Да помилуйте, это не заслуга послереволюционных деятелей. В учебном пособии «Русское литературоведение XVIII—XIX веков. Истоки, развитие, формирование методологий» (2016) М. Б. Лоскутникова показала, что основные методики были разработаны и отточены еще в начале XX века. Как говорится, при царбатюшке. После 1917 года ими воспользовались, обильно сдобрив большевистской идеологией.

Как известно, Сталин был склонен к гуманитарному знанию, писал и публиковал стихи на грузинском языке, ощущал себя причастным к цеху литераторов. Его взаимоотношения с *собратьями* по перу — по его собственному определению, «инженерами человеческих душ» — подробно описаны Б. М. Сарновым в исследовании «Сталин и писатели». В 1932 году вождь оказал положительное влияние на судьбу Михаила Булгакова, в 1934-м — Осипа Мандельштама. В телефонном разговоре с Борисом Пастернаком о Мандельштаме он несколько раз уточнил, можно ли считать арестованного поэта «мастером». Творчество социально близкого литератора Андрея Платонова, наоборот, было подвергнуто резкой критике самим Сталиным... Туго писателю пришлось.

Один и многие

Случай Платонова показывает, как рьяно глава государства защищал свой народ от чуждых лично ему элементов. Пока это были представители враждебных большевизму политических партий, ситуация выглядела понятно — государство защищало себя. Со 2 ноября 1923 года действовало секретное постановление Совнаркома «О создании Соловецкого лагеря принудительных работ» (Соловецкий лагерь особого назначения), где поначалу содержались меньшевики и иже с ними, причем в условиях, близких к человеческим. У них даже свой журнал выходил, кто писал стихи — публиковался.

Однако к концу 1920-х отношение к оппонентам РКП(б) переменялось. Даже если человек не был политическим противником, его стало позволительно назвать таковым и наказывать. Иногда даже без суда. Он мог вообще не быть противником, напротив — верным ленинцем, пламенным революционером, коммунистом до мозга костей. Но как только его называли *врагом народа*, он превращался во врага без возможности оправдаться. Потому что обвинение держалось на безликом, безымянном свидетельстве.

На современный взгляд это почти магия: имени у обвинителя нет, донос не подписан, а человек исчезает навсегда или очень надолго. Как только персональным врагом Сталина называется, допустим, Лев Давидович Троцкий, так в любой профессиональной среде появляются троцкисты, которых обнаруживают бдительные анонимные сторонники вождя. В союзники Сталин брал не конкретных деятелей, а *весь советский народ*. Поэтому враги были не лично у него, а у народа, который получил возможность себя защищать после появления в 1926 году печально известной 58-й статьи Уголовного кодекса, предусматривавшей ответственность за контрреволюционную деятельность. Любое высказывание, хоть как-то похожее на антиправительственное, таковым становилось, если того желал слышавший.

Не сам «отец народов» написал *тымы* доносов, однако он создал предпосылки, при которых это стало возможно. Трудно требовать представлений о личной чести и достоинстве от потомков вчерашних крепостных, которым словами коммунистического гимна «Интернационал» посулили: «Кто был ничем, тот станет всем». Меж тем в перечне первоочередных задач советской власти всеобщее образование ставилось рядом с электрификацией: свет духовный со светом материальным. Государство, объявившее себя *просветителем темной массы*, поощряло в собственном гражданине развитие наитемнейших человеческих черт.

Правомерны возражения, что доносительство не было исключительной привилегией сталинизма. Оно практиковалось в те же годы в США и до сих пор не считается пороком у англосаксов. При этом в царской России доносчику издревле полагался первый кнут, а ябедничать отучали с малолетства...

Свобода и счастье

Так начала формироваться масса политических заключенных СЛОНа, в 1930 году унаследованных ГУЛАГом. Академик Дмитрий Лихачев, на чьих «Письмах о добром и прекрасном» молодые люди воспитываются до сих пор, в 1929 году стал узником СЛОНа лишь за доклад о старой русской орфографии в студенческом кружке «Космическая академия наук». «Космисты» любого профиля в те годы редко оставались на свободе. Большинство из тех, кто устремлял взоры в бесконечность, были вынуждены в итоге созерцать тюремные стены. К этому времени обстановка в СЛОНе коренным образом поменялась, и выжить там можно было только чудом.

Потом революция начала пожирать своих детищ. Даже один из трех создателей СЛОНа Н. П. Горбунов был расстрелян в 1937-м как враг народа. Разве это не удивительно? Большинство государственных лидеров во все времена стремились создать вокруг себя группу единомышленников, соратников, работающее правительство. Но не у нас...

Предвоенные годы получили название *Большого террора*. После политических процессов середины десятилетия началась «партийная чистка». Она стартовала на верхнем уровне власти, скатываясь вниз со все более широким захватом. Об этом времени написаны тома воспоминаний. Их авторы, как правило, сами прошли ГУЛАГ или пострадали из-за осужденных близких. Пресловутая 58-я статья предусматривала ответственность за недоносительство, поэтому среди подразделений ГУЛАГа действовал АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Мемуаристы делились с читателями тем, чему стали

свидетелями и прямыми участниками. А в учреждениях, где содержались дети врагов народа, висели плакаты: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Лица «врагов»

Один из крупнейших философов рубежа XX—XXI веков Г. С. Померанц (1918—2013), участник Великой Отечественной и орденоносец, осужденный в 1949 году «за антисоветские разговоры», еще в 1960-е годы сформулировал: «Думайте о Боге, пишите по-русски, вот и будет русская культура». Тот самый Померанц говорил о себе: «Я в лагере был *придурком*». Так называли тех, кто по роду занятий не был задействован на тяжелых физических работах. В 1965 году этот «политический» прочитал в Институте философии доклад «О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива». Он же чуть позже записал слова, ныне знаменитые: «Дьявол начинается с пены на губах ангела... Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию».

Возьмем пример из другой области. Микробиолог Л. А. Зильбер, создатель отечественной вирусологии и иммунологии, один из сотрудников Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи, арестовывался три раза. В 1930-м Зильбер провел в заключении 4 месяца. В 1937-м он, согласно доносу, пытался заразить Москву энцефалитом; освобожден в 1939 году. И в последний раз отбывал срок с 1940 по 1944 год. За это время известный «вредитель» разработал препарат от пеллагры и исследовал природу рака. Об этом и о многом другом написано в книге автора «Двух капитанов» Вениамина Каверина «Эпилог».

Это — враг?.. Может быть, *какие-нибудь другие люди были реальными врагами?* Чем тогда объяснить волну реабилитаций, прокатившуюся по стране после смерти Сталина? Реабилитация возможна лишь при отсутствии состава преступления. Для сравнения — расстрелянный за госизмену в 1953 году глава МВД СССР Лаврентий Берия, которого нынче стремятся прославить как куратора советского проекта атомной бомбы, посмертно не реабилитирован.

Вопросы без ответов

Возникает масса вопиющих вопросов. Почему признательные показания выбивались с помощью пыток? По-другому доказательств обвинению добыть не получалось? Значит ли это, что их и не было? Почему родственникам осужденных на расстрел сообщали ложный приговор — «десять лет без права переписки»? Государство обнаружило преступника, государство его покарало. Но оно не вправе вмешиваться в частную жизнь, не имеющую отношения к преступлению. Самый закоренелый злодей может иметь мать, для которой он мальчик, жену и ребенка, которые его любят. Они имеют право получить тело казненного и похоронить его. Почему семьям врагов народа было отказано в этом священном праве?

Почему начавшееся дело врачей-убийц, стремившихся, согласно обвинению, к уничтожению советских лидеров, было закрыто спустя ровно месяц после смерти Сталина, 5 апреля 1953 года? Почему все фигуранты были отпущены на свободу и восстановлены в правах?..

Но незачем спешить, перескакивать в послевоенное время. Остались непомянутыми раскулачивание, коллективизация и строительство силами заключенных Беломорско-Балтийского канала, о котором В. Б. Шкловский сказал: «Страшнее, чем на войне». Бывшему эсеру-боевику было с чем сравнивать... Война застала СССР внезапно, и опять-таки в источниках согласия нет; как будто все сходятся на том, что по количеству вооружений Красная армия превосходила противника, а по численности войск была почти вдвое меньше. Как получилось, что несмотря на неоднократные предупреждения резидентов о скором нападении нацистов вражеская армия докатилась до Москвы и Волги, откуда впоследствии с большим трудом, очень долго, ценой невероятных усилий и потерь наших войск изгонялась? Почему так? Почему во время Великой Отечественной голодала вся страна?..

Статистика, величие, личность

Точных данных о числе погибших в первые месяцы 1941 года до сих пор нет. Приводятся разные величины, от полумиллиона до трех миллионов и выше. Однако уже «минимальные» — допустим, 600 000 — ужасают. Сталин, кстати, озвучил данные по итоговым потерям в Великую Отечественную войну в количестве семи (по другим источникам — восьми) миллионов человек. Что показатель занижен, было ясно уже тогда.

До сих пор добровольные поисковые отряды поднимают из болот, выкапывают из-под древесных корней останки наших воинов, возвращают им имена и семьи. Кто-нибудь скажет: «Мертвым все равно». Но кто из нас согласится быть «потерянным» после смерти? Каждый заслуживает имени и двух дат на надгробии.

Нынешние патриоты любят проводить аналогии между Специальной военной операцией и Великой Отечественной войной, рассуждая: мы доделываем то, что по тем или иным причинам не завершили наши деды. Корректным сравнение назвать нельзя, и прежде всего потому, что отношение к человеку, к бойцу, к сохранности его жизни теперь коренным образом изменилось. Не значит ли это, что и отношение к истории, к народу тоже постепенно начнет меняться или подспудно меняется уже?

Русский народ имеет право задать самые неудобные вопросы и получить ответы. Великому народу не страшны оценки прошлого. Значительно хуже рецидивы в настоящем. Пусть школьник, открывший учебник по истории, прочитает несколько весьма неприятных страниц. Мы имеем право и должны проанализировать и понять свое прошлое *в человеческом измерении*, чтобы раз и навсегда восстановить представления о добре и зле, нравственности и пороке.

Тогда нам, вооруженным знаниями, не понадобится оправдывать массовую гибель людей мифическими причинами. Нам вообще не понадобится мифологема неосталинизма. Мы сможем жить в реальности, *созидая* или *обывая* по личному выбору. Но даже обыватель будет знать — он часть великого народа.

Понятие «великий народ» неразделимо с историческим опытом, рефлексией и критическим осмыслением фактов. Самое лучшее образование бессмысленно, если не освящено идеей ценности отдельно взятой человеческой жизни. Каждой. Всякой. Любой.